

Мои

Не бойся мертвых, а бойся живых.

Сардинская пословица

Эта земля не похожа ни на какое другое место... Чарующие просторы и дали, ничего законченного, ничего окончательного. Это как сама свобода.

Д.Г. Лоуренс «Море и Сардиния»

Пролог

Из пяти полицейских, расследовавших тогда убийство Долорес Мурджа, осталась только я. Я потеряла четырех коллег, четырех друзей. Считалось, что это дело проклято. Что нам всем лучше забыть о расследовании, оставить его. Но мы продолжали и пробудили *sas animas malas*, злых духов, и тогда тьма поразила всех нас, одного за другим. Как проклятие.

Я знаю, говорят, что моим коллегам повезло больше меня. Я заплатила — и еще заплачу — сполна, потому что жива. И сейчас проклятие давит на меня. Это тяжкий крест. В лучшие из дней я пытаюсь убедить себя, что это не имеет значения: такова наша работа, и в любом случае справедливость должна была восторжествовать. Случаются дни, когда я чувствую, что сделала все неправильно, позволив другим умереть ни за что. В последнее время плохих дней стало намного больше: вставать с постели и идти на работу становится все труднее. Я должна была уйти в отставку, когда осталась одна, но не смогла. Слишком много призраков, слишком много упреков. И тот, кто говорит, что призраки со временем тускнеют, рассеиваются и исчезают, лжет. Мои ярче, чем когда-либо. Они напоминают мне, что я — единственная, кто остался. Я обязана все закончить, несмотря на то, что, кажется, все забыли о Долорес и других девушках.

Чувство вины напоминает мне о призраках. Постоянно. Их невозможно забыть. Поэтому я все еще работаю в полиции. Не из-за Долорес, а из-за призраков. Потому что я знаю, что они не уйдут, пока этой истории не будет положен конец.

Я рассматриваю фотографию команды, висящую на стене. В их улыбках я ищу силу; это своеобразный способ примирения с собой. Перед выходом смотрюсь в зеркало. Мне не нравится то, что я вижу. Я внимательно изучаю свое тело, но души в нем нет. Душу я оставила на том ужасном месте преступления. Мне нужно снова попасть туда, чтобы вернуть ее себе.

Надеюсь, что еще не слишком поздно.

Часть I

ДЕНЬ МЕРТВЫХ

Есть другое время.
Я его видел.
Пока кровь не брызнула из-под земли.
Пока из трещин не полилась магма.
Я распростерся на земле.
Я ждал, когда эта пора пройдет.

Марчелло Фоис

«Бесконечность без конца»

Глава 1

*Долина Арату, горный регион Барбаджа,
Сардиния, 1961 год*

Собака почувствовала кровь за сотни метров. Влажность ночи усиливала благоухание маквиса¹, создавая буйство ароматов: мирт, ладанник, земляничник, раakitник, дикий тимьян... И все-таки сквозь запахи, привычные для этих гор, принесенные ветром в комнату через щель в окне, зверь учуял едкий кисло-железистый запах человеческой крови. Он навострил уши и встал на задние лапы в нескольких сантиметрах от детской кровати, глухо поскуливая.

Мальчик проснулся и приказал собаке спать. Животное как будто даже не услышало его: привлеченное странным зовом, оно выскочило из комнаты и покинуло дом. Собака понеслась к кусту за домом. Она мчалась по следу, который вел ее среди землистых запахов подлеска и влажных ароматов пропитанной росой травы. Нюх вел ее, как радар. Она пересекла ряды гигантских дубов, пробираясь в лабиринтах дикой еже-

¹ Маквис — характерная для Средиземноморья растительная экосистема, представляющая собой субтропическую кустарниковую степь.

вики. Боль ее не останавливала. Чем ближе она оказывалась к источнику запаха, тем резче и яростнее становился аромат, как будто кровь превратилась из фонового шума в резкий крик. Собака замедлила шаг, добравшись до поляны, расстилающейся у подножия каменистого склона. Поляна была усеяна несколькими деревьями, и на ней почти не было кустарника. Ее окружали земляничные деревья¹, вековые каменные дубы и можжевельник, старый, как горы. Деревья перестали шелестеть. Даже стрекотание насекомых стихло, почти утонув в сверхъестественной тишине, которая, словно заклинание, окутала поляну, спрятанную между холмами. Горбатая луна залила плато серебристым светом, в котором был виден профиль человека. Тот лежал скорчившись, покрытый овечьей шкурой и окруженный роем мух.

Дворняга испуганно огляделась. Окруженное каменными уступами, покрытыми мхами и лишайниками, защищенное ветвями деревьев, которые, казалось, были воздвигнуты для его защиты, перед ней стояло древнее каменное сооружение, почти поглощенное стеной переплетающихся растений: своего рода трахитовое² влагалище в складках каменной стены. Из святилища шел голубоватый туман, и собака услышала журчание воды: это был источник, которого она сторонилась даже в самые жаркие дни, когда ее мучила жажда. Место, окутанное мрачной, могильной тишиной, словно уподобившееся сладострастной растительности, издавало зловещую вибрацию. Собака чувствовала, что надо бежать, но не могла пошевелиться. И тогда она решила нарушить эту невидимую границу — сделала несколько шагов, приближаясь к человеку. Это была женщина, голая под овечьей шкурой. Кровь капала из зияю-

¹ Земляничное дерево, или Земляничник, или Арбутус (*лат. Arbutus*) — род кустарников или деревьев семейства Вересковые с характерными шарообразными бугорчатыми плодами (в осн. красно-оранжевых оттенков).

² Трахит — горная порода, сложенная главным образом полевым шпатом.

щей раны на ее горле, пропитывая влажную землю. Руки были связаны за спиной. Она лежала в центре мегалита¹, внутри каменной спирали, перед храмом, охранявшим священный колодец. Теперь журчание воды усилилось. Вокруг еще теплого трупа медленно парила смерть; собака почти чувствовала эхо, застрявшее среди гигантских камней. Самая высокая стела с выпуклым полумесяцем наверху сияла прозрачным светом. Камень, казалось, смотрел ледяным взглядом на тело, лишенное жизни.

Лапы собаки тряслись, как ветки. Она почувствовала кислый привкус опасности во рту. Она знала, что не принадлежит этому месту, что своим присутствием нарушает его первобытное равновесие. Ее бок обжигало огнем от ран, полученных в зарослях ежевики. Но физическая боль была ничем в сравнении с леденящим страхом. Все звуки заглушались бешеным биением сердца.

— Ангеледду! — услышала она в нескольких метрах от себя голос мальчика, который звал ее.

Собака резко обернулась. Она увидела, как ее маленький хозяин остановился в нескольких шагах от лежащей женщины. Запах шкур, в которые она была завернута, был настолько сильным, что перебивал запах земли и крови. Он был сильнее кисловатого аромата от тела, пропитанного адреналином. Сильнее страха ребенка.

Ангеледду начал издавать глухой лай, словно отговаривая малыша приближаться к жертве и святилищу.

Ночь была такой холодной, что трескались губы и кожа на пальцах. Ребенок дрожал, но не от холода: вид лежащего на земле тела заглушал любые физические ощущения. Помимо крови, которая собиралась в каменных каналах, идущих от священного источника, была еще одна волнующая деталь: лицо трупа было закрыто деревянной бычьей маской с длинными заостренными рогами. Она напомнила ему о масках на деревенских карнавалах, куда он ходил с отцом. Эти маски по-

¹ Мегалит — культовое сооружение из каменных глыб.

том еще долго тревожили его во сне. Он мог бы поспорить на все свои детские сокровища, что лицо женщины было скрыто за *sa carazza 'e boe*¹ с карнавала.

Мальчик вздохнул, разрываясь между удивлением и страхом, глядя на массу темных волос, которые выделялись на фоне прозрачной кожи и овечьей шкуры.

Собака встала перед ним, словно защищая его от этого видения, и попыталась оттолкнуть. Они услышали шум, заставивший их вздрогнуть. Тот шел из храма, который был почти не виден из-за плотной завесы тумана.

Мерцающие огни звезд на затянутом ноябрьском небе едва освещали лощину, из-за чего было трудно рассмотреть очертания святилища. Хотя мальчик вместе с отцом, угольщиком, переехал сюда недавно, он уже исследовал эти горы вдоль и поперек. Но никогда раньше не встречал это первобытное место, как будто растительность, поглотив храм, хотела скрыть его существование.

Мальчик хотел подойти к колодцу, но собака помешала ему, бросившись наперерез. Они услышали тяжелый звук шагов, как будто кто-то поднимался по лестнице, выходя на поверхность земли. Каждый шаг сопровождался пронзительным металлическим звоном.

Собака и мальчик не шелохнулись, будто на них наложили заклятье. Они с ужасом наблюдали за тем, как распалась завеса тумана, разорванная гигантской фигурой, вышедшей из недр земли на поверхность. Словно первобытное божество леса, явившееся после очень долгой спячки. Бог-зверь. Существо, похожее на человека, но исполинских размеров, лицо которого тоже было закрыто страшной маской с длинными и заостренными козьими рогами, освещаемой пламенем факела, который оно держало в руке. На нем было тяжелое одеяние из темных нестриженных козьих шкур, подпоясанное толстым ремнем. На огромных плечах оно несло связку железных коровьих колокольчиков, а в левой руке, похожей на человеческую, сжимало

¹ Маска быка (*сард*).

нож с изогнутым лезвием, еще мокрым от воды и крови. Голову существа покрывал черный женский платок, напоминающий *su tuccadore*¹, какую носила бабушка мальчика. На ногах, толстых и длинных, как стволы каменного дуба, были надеты кожаные гетры и высокие черные сапоги, похожие на обувь, которую надевал его отец, когда ездил в деревню.

Великан заметил их, но, похоже, не придавал этому значение. Ангеледду и мальчик окаменели. Они смотрели, как чудовище приближается к женщине, сдвигая властным жестом *sas peddes*², обнажая залитую кровью спину. Существо осветило факелом окаменевшего человека и вытащило из-за пояса бараний рог, водой из которого полило труп, обнажив свежие разрезы. Точно такие же метки мама мальчика оставляла на хлебе перед тем, как поставить его в печь. Затем оно подняло закрытое маской лицо к звездному своду, словно ожидая сигнала. Казалось, небо и правда ответило, потому что через несколько секунд снова подул ветер, тяжело дыша, как огромный бешеный зверь.

Мальчик почувствовал, как его душа уходит в пятки от этого ледяного дыхания, и ему показалось, что в лесу что-то пробудилось после долгого сна.

Из-под тяжелой деревянной маски был слышен глухой голос гиганта. Он молился звездам: «*A una bida nche l'ant isperdida in sa nurra de su notte. Custa morte est cre schende li lugore a sa luna. Abba non naschet si sàmbene non paschet*».

Мальчик понял значение лишь нескольких слов: вода, смерть, луна, кровь. Но голоса демона хватило, чтобы вселить в него тайный страх, как будто такого рода молитва открыла *limbo de sas animas*³; потому что язык предков обращался не к разуму, а к плоти. К плоти человека и земли.

Ангеледду вырвался из оцепенения и зарычал. Бог-зверь повернулся к собаке, наклонился и протянул огромную руку.

¹ Косынку (*sard.*).

² Ноги (*sard.*).

³ Лимб душ (*sard.*); лимб в католицизме — место обитания душ, которые не попали ни в рай, ни в ад, ни в чистилище.